

# БИЕНИЕ СЕРДЦА ДЖАКАРТЫ

Н. МИТРОФАНОВ

*17 августа индонезийский народ торжественно отмечает 17-ю годовщину провозглашения независимой республики. В публикуемом очерке рассказывается о столице Республики Индонезии — Джакарте.*

**У**ЛИЦЫ еще тонут в сероватой туманной мгле, когда на них появляются спешащие на базар крестьяне с корзинами, прикрытыми широкими листьями бананов. Тишина. Лишь изредка прошуршит шинами автомобиль, направляющийся к аэродрому.

В эти часы еще не жарко. Дышится легко, полной грудью. Блестят капельками росы листья кустов и деревьев. Сейчас особенно заметна их яркая, какая-то даже неправдоподобно яркая, «словно на картинке», зелень.

К сожалению, это продолжается недолго. Часам к семи-восьми ветер уже не несет с собой прохлады, воздух густо насыщен душной влагой. Солнце припекает ощутимее, обжигает непривычную кожу северянина, впервые попавшего в этот далекий южный город почти у самого экватора.

Этот город — Джакарта, столица Индонезии. 435 лет назад, в 1527 году, западнояванский султан Фатахиллах, одержав победу над высадившимися в устье реки Чиливунг португальскими колонизаторами под начальством Франсиско де Са, основал здесь город под названием Джайякерта, что означает «славная победа». Джайякерта была, по преданию, основана 22 июня, и этот день с тех пор считается днем рождения города, название которого потом стали произносить как Джакатра или Джакарта. Голландские колонизаторы, появившиеся на Яве в конце XVI столетия, переименовали в 1621 году город в Батавию в честь батавов — предков нынешних голландцев.

Немало пришлось пережить Джакарте на своем веку — пожары, сжигавшие ее дотла, опустошительные набеги завоевателей, раздоры, смуты, эпидемии. Ни на один день в течение всех 350 лет владычества голландских колонизаторов не прекращалась мужественная борьба жителей Джакарты. Вместе со всем народом своей большой страны боролись они за новую, независимую Индонезию.

Утром 17 августа 1945 года в саду у дома № 56 на тихой зеленой улице Пегангсаан Тимур 44-летний инженер Сукарно огласил перед собравшимися короткий документ, начинавшийся словами: «Мы, индонезийский народ, настоящим провозглашаем независимость Индонезии...» На флагштоке перед домом затрепетал на ветру красно-белый флаг, флаг неза-

висимости. Джакарта, которой было возвращено ее прежнее, исконное имя, стала столицей Индонезийской республики.

Самая старая часть Джакарты — Нижний город, прилежащий к побережью. Здесь у Рыбного базара, пропахшего острыми запахами моря, еще сохранились руины старинной голландской крепости.

Дома в Джакарте преимущественно одноэтажные, будь то бараки в рабочих районах Танджунг-приока, Мангарая и Матрамана или особняки с затейливой разноцветной отделкой — жилища иностранцев и богатой местной буржуазии в фешенебельном районе Ментенг или в пригороде Кебайоран.

За последние годы город начал расти в высоту. В красивых современных зданиях расположились министерства и другие правительственные учреждения. В южной части Джакарты поднялось самое высокое здание в стране — 14-этажный отель «Индонезия». Он откроется в конце лета, когда в столице Индонезии будут проходить Азиатские олимпийские игры. Если ехать из города еще дальше на юг по широкому шоссе, носящему имя национального героя генерала Судирмана, то на правой стороне увидишь громады большой арены стадиона и других спортивных сооружений, строящихся с помощью Советского Союза, при тесном сотрудничестве советских и индонезийских специалистов. Это «джакартские Лужники», одна из крупнейших строек новой, независимой Индонезии. В августе — сентябре здесь встретятся и померятся силами спортсмены многих стран Азии. Уже завершено строительство крытого спортивного зала на 10 тысяч зрителей. В 1961 году в нем было разыграно первенство мира по бадминтону. Победили «хозяева поля» — спортсмены Индонезии.

Джакарта — политический центр республики. В Джакарте находятся дворец президента и парламент, правления партий, профсоюзов и других общественных организаций. Отсюда идут во все самые далекие уголки страны новые идеи, свежие веяния. Политический пульс Индонезии определяется биением ее сердца — Джакарты.

Сами названия джакартских улиц дают наглядный урок истории, географии и природы Индонезии. Улицы носят имена героев национально-освободительной борьбы, выдающихся исторических деятелей — Дипонегоро, Имама Бонджола, Теуку Умара, Гаджамады, Сенопати и многих других.

Джакарта, как и многие другие большие портовые города, весьма неоднородна по этнографическому составу населения. Здесь издавна сложился тип «оранг Джакарте» — джакартца, вобравшего в себя что-то от малайцев и сунданцев, а кое-что — от китайцев и от европейцев. «Оранг Джакарте» боек нравом, предприимчив, насмешлив, довольно резок в обращении по сравнению с остальными яванцами — медлительными, вежливыми. В базарной толпе тут и там мелькают лица китайцев, проходят густобровые, со жгучим взглядом арабы, индусы-сикхи в тюрбанах, метисы — темноволосые, но со светлыми глазами.

Население Джакарты достигает в настоящее время 2,9 миллиона человек. Город разбросан на довольно большой площади, однако это не предотвращает скученности жителей в бедных кварталах.

Туда и сюда снуют раскрашенные коляски велосипедистов — бечаков. Ах эти бечаки! Наверняка когда-нибудь в Джакарте поставят памятник «неизвестному бечаку» как дань уважения их адскому труду. Транспортных средств общественного пользования в индонезийских городах мало. В Джакарте — сот-



ня-другая городских автобусов, такси не хватает, хотя они по карману далеко не всякому, по главным улицам ходят маленькие семиместные автобусы — «опелеты». Но основным видом «общественного транспорта» остается пока все тот же неутомимый бечак, с разбухшими венами ногами. И в жгучий зной, и в тропический ливень катит бечак свою коляску, нередко налетает на автомобили, ругается с шоферами, торгуется с седоками, заискивает перед полицейским...

По воскресеньям городские улицы и прилежащие к городу шоссе заполняют сотни автомобилей, автобусов, юрких опелетов. На юг, к горной прохладе Пунчака, Чибулана и Чипанаса устремляются

## ПОДВИГ ПАТТИМУРА

В мае этого года исполнилась 145-я годовщина героического подвига национального героя Индонезии Паттимура.

1817 год... То было тяжелое время в жизни народа. Уже более двух веков на индонезийской земле хозяйничали, сменяя друг друга, иностранные завоеватели — португальцы, испанцы, голландцы, французы, англичане.

После крушения Наполеона Молуккский архипелаг, как и другие индонезийские острова, перешли под колониальный контроль Великобритании, а решениями Венского конгресса 1815 года Индонезия была вновь возвращена ее прежним колониальным хозяевам — голландцам. Восстановление власти нидерландских колонизаторов, уже известных индонезийцам своим вероломством и жестокостью, переполнило чашу народного терпения. 15 мая 1817 года отряд крестьян, возглавляемый Томасом Матулесси, поднял вооруженное восстание и захватил в свои руки голландскую крепость Дорстеде на острове Сапаруа (Молуккский архипелаг). Вест об успешном восстании мигом донеслась до соседних островов, и знамя свободы было поднято индонезийскими патриотами также и на островах Харуку, Серам и Тидор. Это было первое в истории народное восстание против колонизаторов в наиболее отсталой, восточной части Индонезии.

Вооруженные лишь холодным оружием — самодельными палашами и бамбуковыми пиками, — отряды Матулесси, ставшего известным в народе как капитан Паттимура, сломили сопротивление голландского гарнизона.

Голландцам все же удалось задушить восстание и расправиться с его руководителями во главе с Паттимуром, однако пламя освободительной борьбы, зажженное подвигом Паттимура, продолжало пылать в сердцах миллионов его соотечественников. В огне этой великой борьбы родилась независимая Индонезийская республика.

Героический пример Паттимура воодушевляет и ныне индонезийских патриотов в их борьбе за освобождение Западного Ириана от колониального господства империалистов.

роскошные «шевроле» и «кадиллаки». Автобусы и опелеты идут на север, на тесноватый пляж Чилинчинг, туда, где соленые волны подмывают корни склонившихся к морю лохматых пальм. Большинство же джакартцев остается в воскресенье дома. Сидят на крылечках домов, смеются, болтают, жуют бетель или щелкают соленые орешки.

Часто приходится слышать: «Джакарта — это не Индонезия. Ни храмов, ни танцев, никакой экзотики». Да, в Джакарте нет ничего подобного ни Боробудуру, ни Прамбанану — этим величественным памятникам прошлого Индонезии, не увидишь здесь полуобнаженных балийских красавиц, несущих на голове чаши с лепестками цветов. Но самому Востоку экзотика порой обходится недешево. Достаточно побывать на острове Бали, единогласно признаваемом всеми живым музеем прошлого, чтобы увидеть, как именно «экзотическая старина», стремление привлечь на этот остров туристов, сохранив в нетронутом виде древние обычаи и старинный уклад жизни, ставит преграды на пути социального развития. Вспомнишь поневоле заведующего музеем из «Золотого тельенка», сердито отвергающего сетования Бендера и Корейко на «утрату экзотики» восточного города: «Это для вас красиво, для приезжих, а нам тут жить приходится».

Подлинную красоту Востока в наше время ощущаешь полнее, когда видишь леса строящихся зданий, первый дым фабричных труб, редостный труд людей, работающих ныне для себя, для своего народа, а не ради выгоды амстердамской биржи, лондонских банков и нью-йоркских компаний.

Новая Джакарта — город труда и тружеников. День и ночь идут работы в джакартском порту Танджунгприок, шумят машины на фабриках. Пусть многие из этих фабрик еще невелики и их продукция пока не удовлетворяет потребности все развивающейся экономики Индонезии, но это свои собственные, индонезийские предприятия, и количество их будет увеличиваться, будет расти их мощь.

Индонезийцы твердо верят в свои силы и помнят о том, что у их страны есть хорошие друзья, которые доказали и еще не раз докажут свою дружбу на деле. Они знают, что поддержка верных друзей поможет им освободить неотъемлемую часть республики — Западный Ириан.

Джакарта хорошо помнит 18 февраля 1960 года. В тот день сюда с визитом дружбы прибыл «бунг Никита» — дорогой и желанный гость из великой северной страны, близкой сердцу индонезийского народа.

...Затихает оживленный уличный шум, все реже проезжают автомобили, закрываются деревянными ставнями окна магазинов, останавливается передохнуть усталый бечак. Но жизнь в городе не прекращается — ярко освещены подъезды кинотеатров, загораются чадающие керосиновые лампы вечерних базаров и масляные копилки лоточников. Из популярного ресторанчика «папаша Али» на улице Блора распространяется аппетитный запах жареной баранины. Тренькают гитары уличных музыкантов, «рабочий день» которых начинается с наступлением темноты.

А позже стихает все. Зажигаются яркие тропические звезды, при свете которых не заблудишься даже в безлунную ночь. В наступившем безмолвии только изредка шуршат листья пальм, потревоженные набежавшим ветерком, и время от времени раздается скрипучий хриплый голос ящерицы-токе: «Ток-кэ! Ток-кэ!»

Город спит. Трудовой народ набирает новые силы, чтобы бороться за светлое завтра.